

ЭТНОКУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 811.512.122

ОТ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ НАРОДА К ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ КОНКРЕТНОЙ ЛИЧНОСТИ

У.М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
uldanai@mail.ru

А.О. Азизова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040
ainura_28_87@mail.ru

Статья посвящена осмыслению языкового бытия творческой билингвальной личности. Содержание статьи формировалось под влиянием трудов ученых, работающих в русле исследований московской психолингвистической школы последних лет (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, И.А. Бубнова и В.В. Красных, Г.Т. Хухуни), и других ученых (Вяч. Вс. Иванов, Т.П. Млечко и др.). Авторы осуществляют попытку критического анализа теории языковых контактов и билингвизма в русском языкознании и выявляют сходные позиции лингвистов в процессе изучения языкового бытия отдельной личности. В статье также предлагается свой подход в изучении языковой личности и модель анализа конкретной языковой личности.

Ключевые слова: теория языковых контактов и билингвизма, неопсихолингвистика, языковая биография, языковой портрет, языковое бытие, онтология языкового бытия

ВВЕДЕНИЕ

Попытки адаптации западных образцов социальных и гуманитарных наук в XIX—XX вв. (М.В. Глостанова и др.), как представляется, сказались и на русском языкознании, в частности — теории языковых контактов и билингвизма. «Отягощенная» языковой политикой 50—80-х гг. прошлого века (гомогенизация общества, положение о «двух родных языках» применительно к этнически нерусским гражданам СССР и проч. [2. С. 47—52]) — эта теория и по сей день куца. По всей видимости, двухвековая интеллектуальная зависимость, уверенность в незыблемости и прочности западнцентристских знаний сохраняет пока еще инерционную заданность. Вопросы *неравновесного билингвизма, семилингвизма, транслингвизма и транскультурации*, а также *цивилизационной функции русского языка как транснационального* и др. при некоторых попытках «постсоветского субалтерна»

подвергать их осмыслению и описанию все еще остаются за рамками актуальных научных и социальных дебатов. Одна из главных причин, обуславливающих такое положение дел — нехватка **контекстных** текстов. В этом свете особую ценность представляют работы российских психолингвистов.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЗОР

«Отечественная психолингвистика... работает в реальной антропологической парадигме и именно поэтому открывает перед современной лингвистикой возможность разрешить ее предметный кризис и занять в XXI веке по праву подобающее ей центральное место среди наук о человеке» [9. С. 250].

Однако и современная отечественная психолингвистика не свободна от интеллектуальных ламентаций по поводу некоторой неповоротливости научного дискурса, выражающихся в конкретных упреках («лингвистический нарциссизм» [4. С. 130], «современный ‘ползучий эмпиризм’» [Там же. С. 135]). Тем ценнее представляется позиция критически мыслящих личностей, подвергающих анализу эти «несостоятельные и политизированные упреки» [Там же. С. 130]. Осознающие свою гуманитарную миссию и не упорствующие в моно-дисциплинарном декадентстве лингвисты отвечают на эти «обвинения» в последних номерах «Вопросов психолингвистики» выдвижением новых направлений в психолингвистике — *неопсихолингвистика* и *психолингвокультурология*.

Нашим исследовательским интересам отвечает работа этих ученых, акцентирующая внимание коллег на перспективности изучения конкретного человека в совокупности его индивидуально-психических характеристик: «Актуальность исследования образа мира человека как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями на Украине в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. *Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия образов мира, характерных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития и являющихся членами социальных групп, проповедующих различные ценности*» [4. С. 134—135].

Ученые предлагают «исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности... такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» (курсив наш. — У.Б., А.А.) [4. С. 134—135].

В контексте этих выводов актуализируется другая волнующая нас проблема «некоторой нерасчлененной массы», отмеченная в «Вопросах психолингвистики» Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой. Речь идет о лицах, чья этнокультурная/этноязыковая составляющая носит неоднозначный характер — массе, зачастую определяемой после распада единой культурно-исторической общности (СССР) как «русскоязычное население» [10. С. 157].

Один из авторов настоящей работы является билингом (этнической казахской), родившимся перед распадом СССР и живущим в Казахстане, осуществляющим свою коммуникативную деятельность преимущественно на русском языке, несмотря на суверенность Казахстана, осуществляющего на протяжении последних двадцати пяти лет собственную государственную языковую политику.

Другой относится к российской «нерасчлененной массе» — «русскоязычному населению», являясь своеобразным продуктом «советской креолизации», т.н. «диаспорной казахской», родившейся в РСФСР и живущей в России, воспитанной преимущественно в русском языковом и культурном континууме в силу исторически-объективных асимметричных взаимодействий казахской, русской и советской культур. И подобных *нерусских россиян*, этническая и языковая идентичность которых находятся в постоянном дисбалансе в силу субординативной по отношению к русскому языку позиции этнического языка и живущих в двое- и многомирии, в РФ довольно много, чтобы их не заметить.

«Нерасчлененная русскоязычная масса» — сложная система, она состоит и из тех *нерусских россиян*, которых невозможно как вышеотмеченных однозначно прикрепить к конкретному «этническому гнезду», и раз и навсегда обрядить в «национальную ‘смирительную рубашку’» в силу того, что предки и родители являются представителями разных этносов.

«Нерасчлененная русскоязычная масса» — отнюдь не голая ментальная масса. Одни из них определяют себя «внутренними российскими иными»; другие пребывают в удобной виктимной позиции представителей малого обиженного народа; третьи вполне себе отдают отчет в том, что в современных обстоятельствах существование неких чистых национальных моделей, коих минула участь «перекрестного опыления», невозможна; четвертые, пятые, шестые нередко в проповедническом неистовстве или внешней презентации отстаивают другие «инаковости»; седьмые размышляют о своей наднациональной позиции; восьмые идентифицируют себя с русским этносом; девятые не испытывают никаких конфликтов между этнической и языковой идентичностями и используют язык другого народа в качестве инструмента для выражения своего мировоззрения; десятые, осознавая относительную ценность всех этнических культур, предпочитают путь не отрицания и разрушения, но созидания, путь ре-экзистенции — вос-создания позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, пытаясь преодолевать несовершенство и несправедливость мира.

Все эти микросоциумы не стали конкретными объектами исследований, прогнозирующими перспективу развития конкретного социума и приближающими лингвистическую науку к нуждам человека, и как правило, остаются за пределами актуальных научных и социальных дебатов. Понятно, что миноритарии — отдельная языковая личность или группа — могут и не влиять на решение большинства (социальной группы, народа) в силу разных причин, например, невладения «родным» языком. Однако они обладают собственными «пакетами акций», которые необходимо учитывать при конструировании модели содержания языкового сознания отдельной личности, конкретной социальной (микро)группы и народа в целом. Становится вполне понятным, что подвергать непосредственному изуче-

нию следует не только *этно-культурное*, но и *динамическое многообразие*, свойственное российскому или казахстанскому, в целом — постсоветскому обществу.

Подкреплением этому призыву служит и опыт языкового бытия т.н. творческих билингвальных авторов. По всей видимости, нет случайности в том, что в произведениях билингвальных русскоязычных нерусских поэтов, писателей так или иначе проходит тема «инобытия», «внезаходимости», «потрясения», «мучения», «безумия», которую можно рассматривать как альтернативу трезвости и твердости монолингвов, представителей т. н. титульных наций, не утруждающих себя тем, чтобы вникнуть в гамлетовские вопросы, которыми задается билингвальная и т.н. «маргинальная личность» [1. С. 110—111].

Попытки преодолеть двойственную неопределенность «маргинальности» отнюдь не всегда заканчиваются успехом. Подобные опыты «безумия» подсказывают, что не только *этно-культурное* и *динамическое многообразие*, но *эпистемологическое многообразие* отдельных представителей и микросоциумов требует выработки адекватного методологического инструментария. Иными словами, особенности языкового сознания, способы языкового мышления, порождающие особые отношения между языками и культурами, в частности — нерусских русскоязычных — ждет различных решений с позиций разных дисциплин и разных ученых.

Выдвигаемое И.А. Бубновой и В.В. Красных новое направление — *неопсихолингвистика*, как и нижеследующие позиции (Вяч. Вс. Иванов, Т.П. Млечко), вполне можно расценивать как *контекстные тексты*, направленные на преодоление методологических затруднений и повышение эффективности научных исследований в вопросе изучения отдельной языковой, в т.ч. билингвальной личности.

Параграфом «*Языковая биография личности*» в книге «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» Вяч. Вс. Иванов обозначает параметры исследований языковой биографии творческой личности, начиная от развития новорожденного ребенка и даже эмбрионального развития и заканчивая т.н. «геронтологической лингвистикой». Осуществляя краткий анализ особенностей языковой биографии известных личностей (Пушкин, Тютчев, Гёте, Рембо, Бодлер и др.), ученый указывает на необходимость изучать *языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства*, а также *отдельные трагические повороты языковой судьбы* [6. С. 124—127].

Т.П. Млечко, исследуя русскую языковую личность ближнего зарубежья, выявила типологические черты русской языковой личности (РЯЛ) в соотношении с преобразованиями языкового пространства ее пребывания после распада единой культурно-исторической советской общности. «Неслучайно ‘русскоязычные’ в Молдове, как и во всех постсоветских республиках, стали специфической социально-культурной группой с едиными проблемами и похожими судьбами» [8. С. 167]. Ученый отмечает, что специфика языкового сознания и речи РЯЛ предопределена погружением русского языка в инациональный контекст и приспособлением к нему. Иллюстрации РЯЛ — *языковые портреты*, которые представляет Т.П. Млечко в лицах конкретных прототипов, живущих в реальной языковой

действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью [8. С. 363—420], свидетельствует о динамике би- и полилингвальных, поли- и транскulturационных процессов на постсоветской территории и динамике языкового сознания РЯЛ. Эти процессы актуализируют выбранный Т.П. Млечко подход в изучении языковой личности — **языковой портрет**.

Основываясь на подходах (И.А. Бубновой и В.В. Красных, Вяч. Вс. Иванова, Т.П. Млечко) к изучению отдельной языковой личности, У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин осуществили попытку обосновать необходимость изучения языковой личности билингва, предварительно назвав такой подход *онтологией (ино)языкового бытия*. В рамках этого подхода предполагается изучение не только *транслингвизма* отдельной личности, но и непосредственно *билингвизма*. *Онтология (ино)языкового бытия* — это попытка описания отдельной реальной языковой (би- и транслингвальной) личности с помощью понятий, принятых прежде всего в отечественной психоллингвистике.

Все четыре представленных подхода к изучению своеобразия поведения конкретной личности контекстуально обусловлены и представляют собой определенную *контекст-площадку* для исследователей этно-языковых и культурных процессов, неизбежно связанных с процессами би-, поли- и транслингвизма, аккультурации и транскulturации. Как нам представляется, дискуссии в рамках этих вопросов выкристаллизуют актуальное мета-направление, имеющее целью изучение индивидуальных особенностей отдельной (языковой) личности. От этих *контекстных текстов* можно оттолкнуться, осмыслить и переосмыслить, наполнить онтологией местных/локальных практик, практик конкретных отдельных личностей и создать дискурс, расширяющий или превосходящий сегодняшние возможности теории языковых контактов и билингвизма и отечественной психоллингвистики в вопросе изучения языкового сознания и способов «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова) окружающей действительности отдельной личностью. Мы исходим из понимания, что ничья точка зрения не абсолютна, все должны быть услышаны и вовлечены в диалог — контекст-площадку.

Как представляется, все обозначенные подходы отвечают требованиям сегодняшней реальной жизни, их следует рассматривать как требующие дополнительных построений проекты, которые не могут иметь принципиального завершения в силу динамичности человеческого сознания. Своей контекстуальной обусловленностью они предоставляют «возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» [4. С. 135]. Все они способствуют осмыслению встроенности, погруженности индивидуальной языковой биографии в социальный контекст; накоплению знаний о языковом бытии би-, поли- и транслингвальных личностей (а не только моно-языковой личности); выявлению типического через индивидуальное; изучению витальности/жизнеспособности языка (русского) функционировать в качестве транснационального; прогнозированию развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

ПРАКТИКА ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Вышеизложенные рассуждения требуют непосредственного иллюстративного материала, подтверждающего сделанные выводы. Мы остановили свой выбор на практике языкового бытия нашей современницы, двуязычного поэта, ученого, профессора одного из московских вузов Елены Ивановны Зейферт.

Согласно «Словарю терминов межкультурной коммуникации» термин «транскультурация» — *transculturation* < лат. *trans* ‘сквозь, через’ был введен в научный обиход кубинским культурологом (Fernando Ortiz, 1947). Прежде всего он означает следующее: 1. Распространение культуры в результате перемещения ее носителей в другой культурный регион, в котором какая-либо культурная среда отсутствует или представлена незначительно. Примером может быть появление культур европейских переселенцев на территории Северной Америки или Австралии. 2. Процесс социокультурного освоения мигрировавшим этносом новых мест своего компактного проживания [5. С. 420].

Другие источники относят к транскультурации и насильственное переселение народов СССР [7]. По всей видимости, не будет ошибкой считать, что процесс социокультурного освоения нового места компактного проживания пережили и европейцы, призванные известным Манифестом Екатерины II от 4 декабря 1762 г. свободно селиться в степных владениях России.

Десятки тысяч немцев из прежних германских государств, расселившиеся в Нижнем Поволжье в 1760-е гг., спустя полтора столетия (1923) получили территориальную автономию АССР Немцев Поволжья. Однако спустя немногим более полутора десятка лет немцы Поволжья были депортированы в Сибирь и Казахстан (1941). Депортация, практически длившаяся по 1948 г., обусловила *процессы ассимиляции и аккультурации* (читай: *транслингвальные и транскультурные процессы*). Все это, безусловно, повлияло на интенсивное переселение советских и постсоветских немцев в Германию после распада СССР. (В настоящее время потомки немцев Поволжья проживают по большей части в России и Казахстане.) В этом историческом добровольном, позднее вынужденном переселенческом процессе участвовали и предки Е.И. Зейферт. Ее биография (для официальных нужд) похожа на биографии многих людей, занимающихся научно-педагогической деятельностью.

В 1998 г. Е.И. Зейферт защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века» (Алмаатинский гос. университет им. Абая. Специальность — «Теория литературы»).

Работала преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова.

В середине 1990-х раскрылась как поэт, исследователь и преподаватель русской литературы и теории литературы, к концу 1990-х проявила себя как прозаик, переводчик, критик.

В 2008 г. защитила докторскую диссертацию «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв.» (МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальность — «Теория литературы. Текстология»).

Работала редактором и обозревателем «Литературной газеты», координатором литературной работы и образовательной программы бакалавриата Международного союза немецкой культуры (Москва).

В настоящее время — профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), по совместительству — главный редактор литературно-художественного отдела издательства «МСНК-пресс». Член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва).

Творческая же биография Елены Зейферт — это многомерный художественный мир, в котором взаимодействует и перекликается множество идентичностей, выходящих за пределы «бытия в мифе» к «бытию в мире».

Немецкий как язык творчества, по признанию самой Е. Зейферт, пришел к ней неожиданно в начале нулевых (т.е. в первые годы после распада СССР), и в настоящее время занимает примерно десять процентов. С раннего детства она слышала смешанный диалект немецкого языка, на котором говорили ее бабушки и родные. После депортации в Караганду все родственники воспитывали детей, внушая, что русский важнее немецкого языка. Это был необходимый выбор, и понятно, что русский язык стал в ее языковом сознании доминирующим.

Сказки бабушки, рассказанные маленькой Лене, речь взрослых в доме, подвели ее к первому «открытию» — «все существительные немецкого языка начинаются с буквы ‘Д’», имеется в виду артикли (DER, DIE, DAS). С таких «открытий» немецкий язык постепенно входил в сознание Е.И. Зейферт с раннего детства.

Как язык творчества немецкий активизировался 12—15 лет назад, но до сих пор сопровождается чувством неуверенности. Некоторую долю сомнения «провоцируют» носители языка, вносящие в текст Е.И. Зейферт правки, с некоторыми из которых она соглашается, другие не принимает. Последний сборник стихов Е.И. Зейферт был признан издателями в Австрии, в том числе и поэтами. Прочитав ее стихи на немецком языке, они рекомендовали их к публикации. В этом частном случае она смогла перебороть свои сомнения и согласилась на издание его в Австрии [11].

Для Елены Зейферт — поэт важно, на каком языке появится слово. Если на немецком, то она «подчиняется» ему и пишет на этом языке. При этом процесс создания стихов на немецком языке она определяет как «сверхмедленное создание». По ее утверждению, этот язык вызывает у нее пиетет, и она держится от него на некоторой дистанции. Уважительная субординация влияет на «сверхмедленный» процесс работы с немецким языком, чего не она не обнаруживает в случае с русским [13].

Стихи на немецком представляются в плане восприятия философичнее, строки — длиннее, текст — объемнее, а на русском языке — душевнее. На немецком текст значительнее, а русский — доступнее, что напрямую, с ее точки зрения, связано с разными системами языков [13].

По всей видимости, не только различие в языковых системах, но и пребывание, опыт бытования в этих языках имеет существенные отличия, в том числе временные. Продиктованный самой историей жизни транслингвизм Елены Зейферт — нативизация русского языка и аккультурация вкупе с одновременным бытием внутри немецкого языка и осознанием себя в качестве представителя самостоятельной этнической группы (российских немцев внутри казахстанского социума и шире — советского и постсоветского) объясняют ее утверждение о функционировании в ее языковом сознании трех картин мира. Речь идет о *русской*, *немецкой* и смешанной — *российско-немецкой (Russlanddeutsche)* картинах мира. Причем, по словам Елены Зейферт, картина мира *Russlanddeutsche* возникает не на стыке первой и второй, а существует самостоятельно и лишь отчасти гибридна. *Russlanddeutsche* синтезирует, но не объемлет все черты русской и немецкой [13].

Все эти картины мира ярко отразились в творчестве последних лет и, в частности, в содержании опубликованного в Австрии сборника. Стихи расположены на русском с зеркальным вариантом на немецком языке, и, наоборот, около 25% созданных на немецком — с зеркальным вариантом на русском языке. Бросается в глаза, что на немецком языке автор создает свои стихи в форме верлибра.

Письменное воплощение поэтического текста на том или другом языке обусловлено тематикой произведения. И то, и другое обнаруживается при анализе стихотворений. Образы, навеянные воспоминаниями о детстве, связанные с языковым сознанием, языковыми и этническими идентичностями, родились в немецкой «языковой оболочке». Например, “Die Kidneitgötter” в зеркальном русском варианте «Детские боги» (образ фрагмента детства), “Eine Mauer durchschneidet mich” — «Меня пересекает стена» (образ разделенной Германии), “Meine Zunge ist durchschnitten wie die einer Schlange” — Мой язык разрезан как змеиное жало» (языковая и этническая идентификация) [12].

Созданное на немецком стихотворение о матрешках, продаваемых у станции московского метро, автор расценивает как попытку описать увиденное взглядом иностранца с позиции русского человека. Этот поэтический текст можно расценивать как доказательство умозаключения его автора о наличии и взаимодействии нескольких картин мира в одном сознании.

Описываемое Е. Зейферт художественное пространство и время напрямую связано с выбором языка. Ссылаясь на практику языкового бытования двуязычного поэта, этнического немца Виктора Шнитке, Е.И. Зейферт не случайно акцентирует внимание на его опыте. Взрослым субъектом В. Шнитке себя ощущает при создании произведений на русском, образы Поволжья рождаются на немецком языке и вызваны детскими впечатлениями [13]. Подобные жизненные практики, по мнению Е.И. Зейферт — исследователя, свойственны большинству российских немцев как самостоятельной этнической группе. Знаток литературы своих русскоязычных соплеменников, Е.И. Зейферт делает вывод о том, что российским немцам присущи осознание себя в окружении Другим и бытование внутри Другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, особые ощущения «нигде на родине», «везде на родине». Себя Елена Зейферт ощущает счастливой российской немкой, которой комфортно в Казахстане, где она родилась,

в России, где живет, в Германии — «обетованной вотчине» [См. стихотворение «ВЕРЛИБР: ВЕРА в LIEBE» 12]. Однако, как представляется, данное утверждение не освобождает ее от *постоянного самоанализа* и анализа окружающей действительности в *позиции Руссланддойче* (в отличие от двух других) [13]. По всей видимости, именно эта позиция эвристична и более продуктивна, она позволяет переосмыслить немецкое «Я», генетическая память которого хранит воспоминания о лишившихся статуса производителя знания и ценностей российских немцах, их особом немецком языке и культуре в драматичный период XX в.

Эта же позиция способствует переосмыслению русского «Я», со стоящими за ним русским языком, русской литературой, культурой. Картина мира *Руссланддойче* Елены Зейферт, на наш взгляд, обогащается космологией, аксиологией, онтологией обеих культур и превращает ее в *классическую пограничную транскультурную личность*, которой ведомо больше, чем русскому «Я» или немецкому «Я». Внутри Руссланддойче совершается постоянный двойной перевод, диалог, двойная критика. Проиллюстрируем это на примерах (курсивом).

«Рот, вмещающий два языка. / Vater, Отче, скажи, чья дочь я? / Точит кирку на дне река... / «Твой удел — терпеть, Russlanddeutsche...». / Две души истомились в груди. / Сердце! Herz! «Иссыкает аорта». / Голос! Stimme! «Я слаб и один». / Liebe Heimat! «На карте я стерта» / Ржавый плуг как могильный крест. / Лютер — в ветوشь завернутой книге... / Волга! Mutter! И в тысяче мест остаемся мы Wolganigger./ <...>/ («RUSSLANDDEUTSCHE» [12]).

«В “Зимней сказке” Гейне, возле Рейна, / Гретхен в Веймаре печаль свою прядет. / Летит время нитью, Гретхен ждет, / Ждет, когда любимый не придет. / Йоганн Вольфганг Гете, Генрих Гейне... / Я мешаю мифы, словно вина. / Я в душе не строила Берлин / С 45-го. Мое «wohin?» / В никуда приводит, лишь один / Русский дух разрухи гонит в стину. / Саша, я шшу среди развалин / Старого Берлина красный флаг. / И не кремль — коричневый рейхстаг! / Немец иль фашист — мой старый враг, / Vaterland — хорош, но федерален. / Алекс, в то же время громче жизни / Я, немая немка, слышу зов / Голубых кровей моих отцов / И вне слов вбираю глубь стихов / Рильке, Божества в моей отчизне — / ... / («Александрю Абезгаузу в Германию» [12]).

Будучи знакомой с некоторыми российскими немцами, испытывающими дискомфорт везде, Е.И. Зейферт отмечает, что чувство уязвимости и чувство страха быть заметнее или лучше других ей тоже не чужды [13]. Отсюда, по всей видимости, обостренное желание справедливого отношения к себе и к своей этнической группе, стремление к интеграции. Собственно, и содержание упоминаемого двуязычного сборника наполнено надеждой стать понятой немецкоязычными и русскоязычными читателями, равно как и транслингвальными немцами, не владеющими современным немецким.

Создавая свои произведения сначала на русском, а позже на двух языках, Елена Зейферт ставит под сомнение само понятие «Я» как определенной застывшей идеи, связанной с представлениями об абсолютной объективной реальности. Ее русское «Я» и немецкое «Я» постоянно пересекаются с «Я» — RUSSLAND-DEUTSCHE, накладываются друг на друга («...Я сумасшедшая русская оттуда, / где была сумасшедшей немкой. / В области сердца у спасенного из неволи Зайца / вижу недостершееся слово “Liebe”») [12]. И эта зона наложения и пересечения

языковых идентичностей, жизненных практик, опытов, мыслей, культурных форм в поэтических произведениях Елены Зейферт, напряженно изучающей себя (самоанализ) и действительность, в которой она живет, рождает уникальные миры языков, особый, отличный от моноязычного способ языкового мышления, обуславливающий новые отношения между языками и культурами.

Используя языки для личностного самоопределения в разных культурах и социальных контекстах, Е.И. Зейферт уходит из-под диктата коллективного подсознания. В отличие от субъекта, для которого моноязычное «бытие-в-мифе» — единственный способ бытия в мире, границы культурных интерпретаций становятся подвижными, а мир личности Елены Зейферт обретает широту, глубину, полноту вновь осваиваемых смыслов.

Вместе с тем эти позитивные обстоятельства, по нашему на сегодняшний день убеждению, не дают оснований полагать, что эвристическая позиция, в которой пребывает Елена Зейферт, свободна от «национальной ‘смирительной рубашки’». Идентичность — *Russlanddeutsche* позиционирует себя как доминирующая по отношению к русской и немецкой идентичностям — самостоятельная, неделимая «Я». Эта идентичность не позволяет допускать негативизма и «постсоветской ярости» (характерной национал-патриотично настроенным авторам в странах ближнего зарубежья в первые годы после распада Союза, в т.ч. по отношению к русскому языку как «языку колонизаторов» и «оккупантов» в их трактовке [3. С. 3]).

Творческой биографии и бытию в целом Елены Зейферт характерно не противостояние — но воссоздание позитивной жизненной модели, мира, самоощущения, способного преодолевать несовершенство и несправедливость окружающей действительности. Пожалуй, можно сказать, что языковое бытие Елены Зейферт может служить важным доказательством созидания российскими немцами своего, особенного, отличного от других этносов пути, мироощущения, снимающего противоречия мира и его восприятия человеком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ауэзов М.М.* (1997). Иппокрена. Хождение к колодцу времен [*Auevov M.M. Ippokrena. Pilgrimage to the well of times*]. Алматы: Издательский дом Жибек жолы.
- [2] *Бахтикиреева У.М.* (2013). Теория билингвизма в русском языкознании [*Bakhtikireeva U.M. Bilingualism theory in Russian linguistics*] // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею В.А. Масловой. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 44—55.
- [3] *Бахтикиреева У.М.* (2005). Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва [*Bakhtikireeva U.M. Literary bilingualism and specific features of Russian literary texts of bilingual authors*]: автореф. дис. ... д. филол. наук. Москва.
- [4] *Бубнова И.А., Красных В.В.* (2014). Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия [*Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Neo-psycholinguistics: arguments in favour of national specifics*] // Вопросы психолингвистики. 2014. № 3(21). С. 128—135.
- [5] *Жукова И.Н.* и др. (2013). Словарь терминов межкультурной коммуникации [*Zhukova et al. Dictionary of cross-cultural terms*] / Под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука.
- [6] *Иванов Вяч.Вс.* (2004). Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему [*Ivanov V.Vs. Linguistics of the third millennium*]. Москва.

- [7] Крысько В.Г. (1999). Этнопсихологический словарь [Krysko V.G. Ethno-psychological dictionary]. М.: МПСИ. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/transkulturacija> (Дата обращения: 12.12.2015).
- [8] Млечко Т.П. (2013). Русская языковая личность ближнего зарубежья [Mlečko T.P. Russian language of nearby foreign]. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова (Tipogr. "Valinex"). С. 64—83.
- [9] Уфимцева Н.В. (2011). XXI век: лингвистика или психолингвистика? [Ufimtseva N.V. XXI century: linguistics or psycholinguistics?] // Языковое сознание: динамика и вариативность». М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. С. 240—250.
- [10] Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И. (2015). Диалог или борьба культур? [Khukhuni T.G., Valuytseva I.I. Dialogue or duel of cultures?] (о некоторых аспектах межкультурного общения) // Вопросы психолингвистики. № 2(24). 2015. С. 153—159.

ИСТОЧНИКИ

- [11] Seifert, Elena. (2013). Namen der Bäume. Gedichte. Имена деревьев. Стихи // SoralPro Verlag, Ragnitzstraße 150, A-8047 Graz, Austria ISBN 978-3-902503-59-6. Oktober, 2013.
- [12] Зейферт Е.И. Стихи / Е.И. Зейферт. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?news=1223> (Дата обращения: 18.02.2016)
- [13] Круглый стол по вопросам билингвизма в ИЯ РАН с участием Е.И. Зейферт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Df7oAOfmlis> (Дата обращения: 18.02.2016).

FROM THE ONTOLOGY OF LINGUISTIC BEING OF THE PEOPLE TO THE ONTOLOGY OF A PERSONALITY'S LANGUAGE BEING

U.M. Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
uldanai@mail.ru

A.O. Azizova

Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi Avenue, 71, Almaty, Kazakhstan, 050038
ainura_28_87@mail.ru

The article is devoted to conceptualization of the language being of creative bilingual personality. The content of the article was written under the influence of the scholars' writings who are working in the mainstream of Moscow psycholinguistic school in recent years (E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva, I.A. Bubnova and V.V. Krasnykh, G.T. Khukhuni and I. II. Valuytseva), and other scholars (Vyach.Vs. Ivanov, T.P. Mlečko). The authors attempt a critical analysis of the theory of language contacts and bilingualism in Russian linguistics and reveal similar positions of linguists in learning of the individual's language being. The article also offers their approach for studying of language personality and model analysis of a specific linguistic identity.

Key words: theory of language contacts and bilingualism, neopsycholinguistics, linguistic biography, linguistic portrait, linguistic being, ontology of language being